

Инна Лиснянская
ПОСЛЕ ВСЕГО

«ЛУШКИНСКИЙ ФОНД»
МСМХСIV

x x x

Земля глотит, небо глет
Пылают волны и руда...
Не верьте мне! - все уцелеет:
Земля, и небо, и вода.

Но человек, но зверь, но птица
Уже как угля в золе...
Не верьте мне! - все сохранится
На окровавленной земле.

Где мудрецы? Где старцы?
Стеною крови идет на кривь...
Не верьте мне! - нечужды
Надежда, вера и любовь

РМ

Инна Лиснянская
ПОСЛЕ ВСЕГО

• ПУШКИНСКИЙ ФОНД •
МСМХСІV

**Марка издательства работы
Сергея Семенова**

ISBN 5-87180-034-3

© И.Лиснянская, 1994

О ТВОРЧЕСТВЕ И. ЛИСНЯНСКОЙ

(Вместо предисловия)

Всегда — напряженное душевное чувство, а если покой (редко) — то глубинный. Ничего искусственного, никакой позы — всегда отсердечная искренность. Душа автора дрожит, а стих — в свободном легком дыхании и плотен, и безупречен по форме. И чувства-то Вы передаете лаконично, малыми деталями, иногда вторичными, третичными, даже исчезающими намеками, ничего прямо-грубо, как авторы нашего века ломаются *назвать*. Стихи всегда кратки (как это хорошо); а в них — законченная мысль, чувство, образ, а то и афористические строки. И за метафорами — нет никакой нарочитой погони, измышления их, как ныне за этим гонятся.

Видно, много пришлось Вам пережить, а все боли и раны преодолены неуклонной силой духа. Из "душеломного мотива" вырастает осмысление жизни не только своей, но и вселенской...

Казалось бы: после Ахматовой и Цветаевой — до чего же нелегко проложить свою самобытность в русской поэзии, придать ей красок и быть значительной,— а Вам это удалось, и видно, что не по заданной программе, а *просто*, само по себе, как льется.

27.04.93

А. Солженицын

(Из письма к И. Лиснянской)

К чему внимание заострять
На том, что вместе мы и поврозь?
Стрела амура — чтобы застрять,
Стрела Господня — чтобы насквозь.

Сквозь щель поменее, чем ушко,
В какое тцился верблюду пролезть,
Проходит то, что давно прошло,
И то, что будет, и то, что есть.

Вся смерть, прошедшая сквозь меня,
Всем чудом жизни во мне болит,
И воздух, дующий сквозь меня,
Паучьи волосы шевелит,

Колышет иву, колеблет пруд,
Толкает музыку сквозь камыш...
И если песни мои умрут,
То, значит, правду ты говоришь,

И значит, нету меня темней,
И бред мой суций — не вещей бред,
А ты бессмертен в толпе теней,
Поскольку свет сквозь тебя продет.

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Кто говорит, что мы должны страдать,
Уязвлены терновою занозой,
Когда звезда умеет так сиять
И пахнуть осликом и розой?

Кто дарит блеск рассветного луча
Звезде, напоминающей о розе? —
И ночь тепла, как с царского плеча
Соболья шуба на морозе.

Что нужно яслям прежде и потом?
Избыток сердца и остаток сенца.
Мы связаны друг с другом не крестом,
А пуповиною младенца.

ТРИПТИХ РОЗЫ

1

Хорошо просыпаться на ранней заре,
И лопатой сугроб разрыхлять на дворе,

И сушить сухари по вчерашней цене,
И не думать о близкой войне.

Но устроена странно родимая Русь,
Я ее обожаю, ее же боюсь:

Все не хочет бикфордов шнурок упустить,
Словно этот шнурок — Ариаднина нить...

Как задумчивы сосны в весеннем окне—
Видно, думают тоже о близкой войне.

2

На плечи наброшу я
Кашемир,
Выйду во взъерошенный
Внешний мир,
До пустыни Оптиной
Доберусь,
О спасенье родины
Помолюсь —
О моей единственной,
О больной,
О самоубийственной.
Боже мой!
Для чего здесь стянуто
Столько войск?
С шали упомянутой
Каплет воск.

Хорошо бы розу вышить,
Если не на что купить,
Хорошо б России выжить,
Если не умеет жить.

Дай мне розу утром ранним,
Дай мне розовую нить,
Чтоб могла за вышиваньем
Я грядущее забыть.

Чертики в глазах куда страшней чертей.
На дворе морозно.
Сердце, разорвись на множество частей,—
Заклинаю грозно.

Сердце, разорвись, развейся по зиме
Легче снежной пыли,
Я виновна в том, что есть я на земле,
Надо бы — в могиле.

А еще и в том, и в том моя вина,
Что на бранном поле
Никому не дочь, не мать и не жена,
И не друг тем боле.

Как черно в глазах, но даже воронья
Нет на поле бранном,—
Только красным дымом стелется заря
По замерзшим ранам.

Спи, мой ангел, спи, мой Авель.
На земле играют дети
    В жертвы-палачи.
Кто тебя так искровавил?
Вижу кровушку при свете
    Трепетной свечи.

Спи, мой ангел, спи, мой Авель.
Ты с начальных дней прообраз
    Убиенных без вины,—
Тех, которых ты возглавил.
Слышу я твой кроткий голос
    Из-под глубины.

Спи, мой ангел, спи, мой Авель.

С годами любовь становится жалостью,
Сочувствием к птице и к зверю милостью,
Жалею жука под прижимистой жимолостью,
И кошку, чьи очи мерцают усталостью,
Как цвелью покрытые воды нильские.
Но более всех я жалею ангела,
С которым смеялась я реже, чем плакала, —
Ведь муки приносят нам самые близкие.
Пусть только живет! Не желаю я лучшего,
Пусть только увидит, как жизнь переменится.
Еще я жалею небесного лучника,
Незримого за тетивую месяца.

Сетчатка глазная
Сильней браконьерских сетей, —
И птица лесная,
И рыба речная
Легко умещаются в ней.

Но не погибают,
А крыльями и чешуей
Сей мир отражают,
В котором блуждает
И взор вопросительный твой.

Мой отрок чудесный,
Мой честолобивый мудрец!
Скажу тебе честно:
И мне не известно,
Кто дичь на земле, кто — ловец.

ТРИПТИХ ДВОИХ

1

Там, за спиною, больничный порог,
Здесь я всем сердцем пирую:
Первую жизнь подарил тебе Бог,
Я подарила вторую.

Я оказалась сильнее всех нянь,
И в предпасхальную сырость
Я отпихнула костлявую длань
И не дала тебя выкрасть.

Радуйся жизни! Дыши и пиши,
Мальчик мой седоголовый,
В этой воистину райской глуши
С видом на берег сосновый.

2

От земной до небесной ступени
Проследят твой жизненный путь,
Но твоей не заметят тени,
Да и ты обо мне забудь.
А была я смиренной лаской
И стелилась к твоим стопам,
А еще я была подсказкой,
Той, что ты не заметил сам,—
Здесьней музыки, здесьней славы.
А в раю, где ангелов сень,
Не теряют листву дубравы,
Не отбрасывают и тень.

3

Под утро сломала вьюга
У царственных врат весны

Две любящие друг друга,
Две сросшиеся сосны.

Их общий пень, как надгробье,
Не тронутое резцом,
Являет любви подобье
И служит нам образцом.

Но, спаянные судьбою,
Не так мы безгрешны, чтоб
Достались и нам с тобою
И вьюга одна и гроб.

Так хорошо с прохожим покофейничать,
Жизнь выболтать, куря «Пегас» иль «Вега», —
Ведь легче с посторонним откровенничать,
Чем близкому открыться человеку.

Поговорим... Забудем... Впрочем, близкого,
Пожалуй, нет, коль жажда монолога
Во мне, чье домоседство так неистово,
И в том, чья цель — бездомная дорога.

СЕРАФИМ

Взор твой истиной палим,
Крылья, словно ножницы, —
Что ты хочешь, серафим,
От меня, безбожницы?

В доме, где хозяйки нет,
Нет и посетителя,
А в душе, где Бога нет,
Нет и искусителя.

В полой глине сатане
Никакой нет надобы.
С неба прилетать ко мне
И тебе не надо бы.

От тебя, как ни казни,
Мне и прятать нечего:
Нет у грешницы казны,
Кроме пепла певчего.

Солнце нежней мимозы
Между авиалиний.
Выбелены березы,
Словно песок в пустыне.

Кто мы и где? А впрочем,
Вряд ли ответ нам нужен.
Там мы, где жизнь жесточе,
Там мы всегда, где хуже.

САЛОМИЯ

А. Д. Сахарову

Дрожит в руке перо подробное,
Пугливую бросая тень
На многоспытную чернь,
На власть ее, на место лобное
Без крови на текущий день.

Расправа изменилась в принципе,
Спешат распять не плоть, а дух,—
Чтоб разум в светочке потух,
К матрасу пригвозждают шприцами,—
Но нет, я не осмелюсь вслух!

Свой вялый почерк в пыль чердачную
Я прячу иль в подвальный мрак,
И мнится под вороний карк,
Что я та женщина невзрачная,
Какую мельком вспомнил Марк,

Та Саломия в кофте латаной,
Что мускус и настой смолы
Несла и, обойдя стволы,
Увидела, что опечатанный
Отвален камень от скалы,

Та, что разжала пальцы с мускусом
И с ароматною смолой,
Та, что завидя гроб пустой,
Бежала прочь, объята ужасом
И скованная немотой.

О Саломия в кофте латаной,
О прикусившая язык,
Не я ль сегодня твой двойник?
И ты вела бы, будь ты грамотной,
И прятала бы свой дневник.

1984

НА ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Ах бабочка-красавица, Павлиний Глаз!
Ах солнышко, песок, водохранилище!
Так радоваться можно лишь в последний раз,
Неужто тебе завтра на судилище?

Ужель тебе, ликующая, невдомёк,
Что каторжная жизнь или острожная —
Давно удел для мыслящего поперёк,
Да и в поступках ты не осторожная.

А может быть, ты дурочкой не зря слывешь,
Все блага на земле на правду выменяв?
А ты в ответ смеешься и плывешь, плывешь,
Почти до седины на солнце вылиняв.

Но знает даже бабочка Павлиний Глаз
И вся вода, хранимая насильственно,
Что так плывут не в первый, а в последний раз,
И что тебе известна эта истина.

1984

ПОХОРОНЫ МАНДЕЛЬШТАМА

Опять эта вспышка
Больного ума:
Надзорная вышка,
Под нею тюрьма
И каторжный номер
В той бане, где, гол,
От голода помер
Господний Щегол.

Но дальше — не яма,
Все было не так:
Несли его прямо
Сквозь солнечный мрак
Два ангела Божьих
В Эдемский предел,
И призрак прохожий
Вослед им глядел.

Руки, как реки, текущие вверх,
Очи, как свечи, цветущие ввысь,
Это дорога, и ты без помех,
Ангел бескрылый, в дорогу пусться.

Каждое облачко даст по перу,
Сириус крылья приварит к плечам,—
Чем беспросветнее смерть на миру,
Тем просветленнее жизнь по ночам.

Днем-то я знаю, что ты — человек,
Если же я ошибаюсь — поправь,
Так бы хотелось, чтоб ты опроверг
Эту неопровержимую явь,

Чтоб мои руки, как реки, текли,
Чтоб мои очи, как свечи, цвели,
Чтобы туда я дорогой была,
Где обретают два белых крыла.

ТРИПТИХ ВИНЫ

1

Что там, за мною, — жизни фабула
Иль тень влачится?
Тяну я шею как сомнамбула
Иль как волчица?

Колемлю взглядом люльку месяца
Иль самый месяц?
Что ни вопрос — то окоlesiца
Из окоlesiц.

И месяц улыбнуться силится,
Найдя прореху
В пушистой туче, что и зыблется
Подобно меху.

Утеплена небесной шубою,
Во всем я каюсь,
На все улыбкою беззубою
Я огрызаюсь.

2

Как в чреве, вода толкается
В речных берегах,
Кричит мне: довольно каяться
В бессмертных грехах.

Кричит мне: слепое солнышко
На небе блестит
И душу твою до донышка
Лучами скоблит.

Кричит: что ни слово — выкидыш,
Молчи о вине!

Ты хищницей нищей выглядишь
В родной стороне.

Простерлась дорога дивная
В пасхальные дни,
Вина твоя неизбывная
Гордыне сродни.

3

И зима прошла, и весна прошла,
На саму себя не хватило зла,

И живу теперь в лете царственном
Только выдохом благодарственным

Голубой реке, золотым лучам,
Ливням зелени по моим плечам,

И полны и тихой радости,
Без гордыни — без виноватости.

Погибель кра́дется, как хитрая воровка.
Московский загород. Мороз и тишина.
Сияет Сириус, как синяя спиртовка,
Когда спиртовка зажжена.

И в стройном космосе свои, наверно, страхи.
При этой тихости навряд ли я усну.
Но ямб навязчивый и робкий амфибрахий
Со мной разделят тишину.

И одиночество, и ужас им доверю,
Разлад, сумятицу, российскую тщету,
Опять подобную затравленному зверю,
Стремящемуся в темноту.

Всегда голодная, холодная воровка,
Смерть тихой сапою ступает по земле,—
На амфибрахии затянута веревка
И ямб качается в петле.

Но кто я, собственно — кликуша иль шутиха?
Откуда Сириус, оттуда и петля.
Все образуется — потрескивает тихо
И звездный спирт, и снежная земля.

Елена Макаровой

Что за время удалое?
Алый бант в косе алоэ
Там, где ты, мое дитя.

Здесь, где я, твое былое
Машет, по небу летя,
Машет крылышком березы
Сквозь невидимые слезы,
Но сквозь видимый туман.

Красный цвет, вплетенный в косы...
Моря Мертвого стакан...

А на дне того стакана,
Как ни глупо, как ни странно,
Косу времени плетя,
Пребываю постоянно
Там, где ты, мое дитя.

Платье из репсу,
Кольца из серебра
Под ноги плебсу
Брошу, пока добра.

Брошу и свиток
Будто слоновую кость,
Все мне в прибыльток —
Даже людская злость.

Маме

Пойму не сразу и не вдруг
Лишь у последней остановки,
Что меж живыми нет разлук,
А есть разрывы и размолвки.

Священника не призову,
Сама соборованье справлю,
Покаюсь, упаду в траву
И листья палые восславлю.

Омоет дождик сентября
. Меня — скудельную причуду,
Сперва забуду я себя,
А после землю я забуду,

Забуду и во смерть войду
И положу конец разлуке —
Слепыми пальцами найду
Меня заждавшиеся руки.

ТРИПТИХ ЗАГОРОДА

1

Безвыходно-неприкаянны,
Причастные смутным дням,
И городские окраины,
И подступы к деревням.
Я, загорода насельница,
Меж городом и селом
Вижу, как дымом стелется
Августа окоем.
А дым пока еще лиственный,
Но стерта уже межа
Меж оголеньем истины
И стойкостью миража.
Моя душевная выгода
В том, что могу узреть
Арку незримого выхода
В ярко-слепящую смерть.

2

Тому причиной память доутробная,
Еще до жизни ведала она,
Что жизнь довременная и загробная
Как будто день устойчиво-ясна.

Дожизненность еще не знает дьявола.
Посмертностью владеет серафим.
В его угожьях нету цвета алого
И невозможен изумрудный дым.

Там живопись — искусство неизвестное,
Там краска музыкой приглушена,
Там музыка сияет занебесная —
Там музыка, лишь музыка одна...

Покамест над землей заря,
А под зарею дым,
Мы говорим, не говоря,
А говоря, молчим.
И я пришла, чтоб нашу суть
В сей парадокс облечь
И с облегчением вздохнуть
И, крест свой сбросив с плеч,
В сырое небо лечь.

По соломенному лучу,
За соломенный ноготь держась,
Я все время куда-то лечу,
В комнатенке своей находясь.

Как занудлив электрошум
Полотера в моих руках,
Ну кому бы пришло на ум,
Что летаю я в облаках?

Так блести, мой паркет, блести,—
На тебя извела я свечу.
Так лети, моя жизнь, лети
По соломенному лучу.

ОГОНЬ

1

Кто только не клевал с моей ладони
И кто не улетал.
Их Бог простит, а я, спиной к иконе,
Свой разожгу шандал.
В моей крови языческая примесь,
Всегда я чту огонь.
У памяти (я разжигаю примус) —
Длиннющая ладонь.
Кто только не сулил мне быть защитой
И кто не убивал
В той жизни, олеандрами повитой,
И здесь, где сеновал.
Я и в душе накачиваю пламень,—
И снятся сны,
Что ни один не достигает камень
Моей спины.
Считать, а сколько их летело в спину —
Раздергивать тоску,—
Как если бы выщипывать овчину
По волоску.
Взгляни, на берегу костра сиянье
Из жертвенных берез.
Не понукай, пойду я на закланье
Без лишних слез.

2

Я стала быстро отвыкать от всех,
Так быстро, что уже не жалко
Ни тех, ни этих, ни себя,
Ни этих, ни себя, ни тех.
Я, как по зеркалу гадалка,
Теперь, под нос себе бубня,
Вникаю в письменность огня.

Как много говорят его крючки
И завитки, и знаки препинанья —
Все восклицанья, точки и тире,
Да, восклицанья, точки и тычки
Начальных строк. Здесь самовозгоранья
В помине нет. Теперь один камин
Мне друг, и враг, и раб, и господин.

Исчадь солнца, сей огонь отвык
От солнца, от сосков его колючих,
Да, от лучей прямых да и косых
Без восклицаний, точек, закавык.
Здесь нету вариантов наилучших
И нет непроясненных мелочей.
Всеобще солнце, а огонь — ничей.

Одна рука на другой покоится,
Душа моя о живых беспокоится,
И разве этого мало?
Но вечный сон у меня, покойницы,—
Двойник такой затяжной бессонницы,
Какой еще не бывало.

Вокруг меня лица, давно забытые,
Себя убившие или убитые,—
Пред всеми я виновата:
Поскольку ломилась в двери забитые,
В лоскутья империи, наскоро спитые,
Как облака заката,

И славила жизнь — эту девку беспутную,
В грехе правдивую, в правде — блудную,
И пела смерть как мгновенный омут.
А смерть длиннее, чем в пору смутную
Бессонница, и похожа на ртутную
Реку, в которой не тонут.

ОСЕННИЕ ОЗЕРА

Звезд догадливые взоры,
Световые письма,
Как осенние озера
Михаила Кузмина.

Ну а тот, кого он нянчит
В сердце и в стихах поет,—
Храбрый отрок, хрупкий мальчик
Скоро сам себя убьет.

И озерная осока —
Купидонова стрела —
До одной звезды высокой
Струйкой крови дотекла,

И горит звезда алее
Поминательных свечей,
Всех ушедших я жалею,
Кузмина мне всех жалчей.

Неужели многогрешный,—
С томной музыкой в ладу
И с молитвою утешной,—
Он мне встретится в аду?

Под грозной сенью мраморных деревьев.
Элла Крылова

Ничто не кажется мне чужим, —
Ни то, что прошло, ни этот режим,
Ни угли в золе, ни звезды во мгле,
Ни на море штиль, ни пыль на столе.
А я пришла сюда, чтобы понять,
Как жить и как умирать.

Но в сад правоты войти не дозволю
Через чужие врата,
Глаза мои — каленая соль,
Душа моя — сирота.

ОТВЕТ ЮНОМУ ПОЭТУ

А можно ли заблудиться,
Вращаясь вокруг оси
Собственного скелета?
У антипода про это,
Которого воспеваю,
У Бродского ты спроси.

О многом, думаю, знал он
Задолго до того,
Как материнское лоно
Из недр своих иступленно
На майскую простынь жизни
Вытолкнуло его.

Поэтому он и смотрит
На смену времен и мест
Зрачком божества Вертумна —
Трагически, но разумно, —
Широт и долгот скрещенье
И есть его тяжкий крест.

И клювик сердечной мышцы
Он не берет в расчет,
И шанс вокруг оси заблудиться
Не более, чем у птицы,
В течение тысячелетий
Выверившей полет.

А я, увы, не владею
Знаньем довременным,
И песнь моя домоседка
Есть то, что грудная клетка,
Когда б говорить умела,
Птенцом назвала б грудным.

Бьется он и трепещет,
Клювом буравит грудь, —

**Кричу о собственной боли,
И сжата душа поневоле
До градины слезной соли,
А это в забвенье путь.**

Оплачь меня и забудь.

НА ПАНИХИДЕ

В панихиде — колыбельной
Отзвук нахожу.
Я свечу в руке скудельной
Бережно держу

И к Тебе взываю снизу:
Отпусти грехи
Твоему рабу Борису
За его стихи!

— Да святится Божья жалость! —
Молча я пою, —
Чтоб ему и просыпалось
И спалось в раю,

Пусть душа глядит, ликуя,
На земную синь,
Пусть услышит: — Аллилуйя!
А затем: — Аминь.

В храме дым кадильный тает,
Хор на миг затих.
А моя свеча сгорает
Раньше всех других.

ТРИПТИХ ДОЖДЯ

1

Дождь сегодня прыток
На семи холмах.
Душевный свой избыток
Я схорю в стихах

О том, как сердцу больно
К разлуке привыкать.
О свете мой настольный,
Позолоти тетрадь!

Так цыганке руку
На рынке золотят,
Когда печаль-разлуку
Охолодить хотят.

Где вы, мои дети?
В темени ночной
Мне расставил сети
Дождик затяжной.

2

Дождь — охотник, я — добыча
Звука монотонного.
Никого уже не клича,
Наглотаюсь сонного.

Пусть сегодня мне приснится
Море Средиземное,
Свечек праздничных седмица
И вино мгновенное,

И блаженное свиданье
С дочерью единственной,

И волшебное сиянье
Над беседкой лиственной.

3

Дождь коварен, как Вавилон,
Я его пленница.
Если дождит с четырех сторон,
Жизнь не изменится.

И поздновато ее менять,—
Речью рассеянья
Связана с почвой грешная мать
Крепче растения.

ТРИПТИХ ЗАКАТА

1

В младости желала слишком многого,
Потому-то ничего и не имела,
А теперь имею это логово
И окно, где небо забелело,

Забелело, распустилось облаком,
Вот и мне принадлежит его цветенье.
А полы покрыты пыльным войлоком,
Но и пыль — мое приобретение.

Пыль есть персть моих желаний вымерших,
Вот и пахнет она морем несладкимым,
Пятками детей, настолько выросших,
Что живут под Иерусалимом.

Как далёко! Но не дальше этого
Бела облака. Господь им будет в помощь!
Луч закатный пишет фиолетово:
Что отпеть сумеешь, то и вспомнишь.

2

Отпеваю и море, не склонное к эху,
И сосуды, пропахшие детской мочой,
И податливый колокол доньшком кверху,
И керамику с первою вербной свечой.

Все вместилища времени я отпеваю,
Все стекло этой жизни, и глину, и медь.
Неужели я в Лету уже отплываю,
Не успев свою грешную душу отпеть?

— Но тот, кто и жизнь, и себя отпоет,
Тот Божьему слуху не нужен. —
Окно говорит, да и войлок орет
Так хрипло, как будто простужен.

И вправду простужен — в квартире сквозняк,
Москва, тридцать первое марта,
Кастрюля пуста, и ржавеет черпак,
И нет ни вчера и ни завтра.

Но есть еще логово, свечка, окно,
И облако есть, и минута
Увидеть дождя голубое зерно
На звуке, замешанном круто.

Не грозит мне Лета,
Не грозит забвение,
У меня на это
Страшное везение.

Я подобна реющей
Над холмами синими
Птице, не имеющей
Собственного имени.

Мыслью ядовитую
Эта ночь заполнена:
Чтобы быть забытою,
Надо быть запомненной.

МАЙ

Май щебечущий лучится
Множеством зеленых крыл.
Что случится, то случится,
Думать больше нету сил.

Ни закона здесь, ни права,
И во мне слились в одно
Вельзевулова отравы
И причастное вино.

Ну как не потерять тут головы
От счастья и от горя
Под вдохновенным куполом листвы
Июльского подворья.

Слепили ангелов из облаков,
А Библии рассказы
Вместили в нимбы солнечных желтков
Березы-богомазы.

Все образа просты и хороши,
Легки, как Божье имя.
Но горе мне — весь свет моей души
Живет в Ерусалиме.

А в ком, я не скажу. К чему вам знать,
Что в этой жизни чудной
Помимо сына блудного и мать
Бывает блудной.

На территории игольчатой и лиственной,
На черноземной, на болотной, на степной
От русской нации до самой малочисленной
Нет не обиженной сегодня ни одной.

Причины ясные, а следствия туманные,
И нам неведомо, что завтра натворим:
Все швы распороты и вскрыты раны рваные,
Каких не видывал и августейший Рим.

Молись, золотое сердце.
Крепись, железное сердце.
А каменное — смягчись.
Забудь, птицелов, ловитву,
Забудь, генерал, про битву,
И враг врагу улыбнись!

Иначе уже не выжить,
И даже слезы не выжать
Из осоловелых глаз.
Крепись, железное сердце,
Молись, золотое сердце,
Тому, Кто оставил нас.

Листья летят, а я-то думаю: птицы.
Листья плывут, а я-то думаю: рыбы...

Надо ж кому-то дурочкой уродиться,
Чтоб веселиться умные люди могли бы.
Добрые люди путать не любят понятия,
Да и названья, чтобы не сбиться с дороги.

...Белое облако мне — подвенечное платье,
Черное облако мне — похоронные дроги.

Мне не было б цены, когда б, когда б
Не зарилась на ремесло поэта,—
О, как бы замерцал мой бедный скарб
И как бы отражал сиянье света.

Цвело б стекло меж выбеленных рам,
И пол сверкал бы, убаженный воском,
И не было бы ежедневных драм
Между рукою пишущей и мозгом.

Зачем себе я выбрала беду
Горчайшую среди житейских бедствий?
Никак нигде ни в чем я не найду
Между творцом и тварью соответствий.

КРЕСЛО, СВЕЧА И Я

Галине Вови-Кизиловой

Мне больше не о чем говорить,
Но я говорить хочу
О том, что не о чем говорить,
И хлопаю по плечу
Родное кресло, — в одно окно
Глядим и на том сошлись,
Что дым отечества — это жизнь,
Отравленная давно.

Мне больше не о чем сожалеть,
Но я сожалеть хочу
О том, что не о чем сожалеть,
И зажигаю свечу.
Свеча вечерняя хороша,
Втроем мы сошлись на том,
Что наше время живет, дыша
Не воздухом, а огнем.

Мне больше некого убеждать,
Но я убеждать хочу
И в том, что некого убеждать,
Возрадоваться лучу,
Лучу, заблудшему в соснах трех
И все ж несущему весть,
Что Божье дыханье и в дыме есть,
Да нужен поглубже вдох.

Лазурно-изумрудное сиянье
Всегда, где сад, особенно где лес.
Стволы — земной юдоли достоянье,
А листья — достояние небес.

И птиц федеративная держава
Вьет гнезда на земле и в облаках,
И, как у нас, их певческая слава
Основана на разных языках.

И не грозит им участь Вавилона...
Об этом мне и говорить грешно,
Мне, не постигшей главного закона,
Как отличить от зеркала окно.

Мне все одно — в себя или наружу
Глядеть, поскольку вижу я всегда,
Как изумрудный свет втекает в душу
И как душа взлетает из гнезда.

Как в хризантемовом саду
Без хризантем,
Не будет Страшному Суду
Со мной проблем.

Душа сама себя сожгла
В тот час, когда
От своего устала зла
И от стыда.

Взойдет из праха моего
Трехперстный цвет...
А Там не судят то, чего
В помине нет.

ЛЕЩИНА

Судьба моя как всякая —
Лицо есть и подкладка.
У жизни поступь мягкая,
Да жесткая повадка.

Я ей во всем потворствую
И как могу балую —
И мягкую, и черствую,
И добрую, и злую.

А то, что ненавистная
Сегодня годовщина,
В саду пурпурилистная
Напомнила лещина:

Здесь ночью злополучною
Расстались два растенья —
Души две неразлучные,
Две неразлучных тени.

Какая глушь, и тишь, и сушь...
И дождь про нас забыл.
Идет переселенье душ
И денег, и светил.

Идет перемещение звезд,
Мутантный рост луны.
И комары в пчелиный рост
И те нам не слышны.

Как девка ноги заголя,
Сошла, как поглядишь,
С орбиты и Звезда-земля...
И глушь, и сушь, и тишь.

Декабрь девяностого года,
Все хрустко и хлестко,—
Ломается резко погода,
Как голос подростка.

По швам все трещит —
И вещь, и о вещи понятие,
Убойный омоновекий щит,
Имперское платье.

Меняется резко погода,
И грустно поэту:
Нет в прошлое входа,
В грядущее выхода нету.

Каким еще предаться негам,
Каких еще достичь глубин?
Как попережку кровь со снегом,
Цветут шиповник и жасмин.
И время не летит,— течет
И крыльями себя сечет.

Но где жасмин? Но где шиповник?
Февраль на улице, февраль
Как многоопытный садовник
Глядит не в глубину, а вдаль,
Где красно-белое крыло
На горизонте расцвело.

Витает снег, летают пули
И убивают корни слов,
Капризно скрещенных в июле
Из очевидностей и снов,
Где ты сама, как снег, идешь
И розу дикую сечешь.

ТРИПТИХ ДОННИКА

1

Перед окном лежишь больным-больна,
И ни души с тобою, ни души,
Даже твоей. Лишь донника волна
Слух серебрит: дыши, мой друг, дыши.
И только ветер с птичьего пера
Роняет трель, и требуют дожди:
Добро творящий, встречного добра
Не должен ждать, и ты, мой друг, не жди.
Да я ль добра искала за добро?
Вот и сейчас хочу в кого-нибудь
Последнего дыханья серебро
И золото молчания вдохнуть.

2

То ль доннику благодаря,
То ль поздней соловьиной трели
Живешь, но, честно говоря,
Ты удержалась еле-еле
По эту сторону черты,
Где смерть затвердевает дрему,
И странницей осталась ты,
Не выходящею из дому.
Есть булочная и табак
Наискосочек от подъезда,
А вот душа — Господний брак —
Совсем свое забыла место.
Больней вне плоти, но вольней
По градам странствовать и весям,
Где соты и колосья дней
Бесхозный хаос перевесил.
И разум, факты вороша,
Решил, что это Божья милость —

Тебя оставила душа,
Чтоб сердце не остановилось.

3

Сижу, облокотясь о подоконник,
Укрывшись легким пледом.
Отсеребрился законный донник
Июльским бредом.
Я странствую, не выходя из дома,
Моя душа-потемки
Хранит лишь то, что нынче невесомо,
В своей котомке.
А по земле гуляет Стенька Разин,
Но царский двор оглядчив...
До них ли мне, чей ангел громогласен,
А демон вкрадчив.

Клен кадит и клочьями червонными
Дым кадильный надо мной плывет,
Осень над отбросами зловонными,
Сладко пахнет — и душа поет.

Жизнь прошла у жизни на обочине.
Горюшка с лихвою претерпев,
Стал острее глаз, а слух отточенней
И отзывчивее каждый нерв.

Шевелятся волосы на темени
То ли у меня, то ль у земли:
Многие живые стали тенями,
Ожили, которые ушли.

Оторочена худою славою,
Трачена забвением глухим,
Я стою над сточною канавою
И отеческий глотаю дым.

ИЮЛЬСКИЙ ХОЛСТ

Стезя моя проста.
При мне мое искомое —
Знакомые места
Как музыка знакомая.

Да и мечта проста —
Я грежу лишь о сбывшемся —
О вязе у моста
И доме облупившемся.

И пицца в нем проста —
С соседских грядок овощи
И ягоды с куста —
Без посторонней помощи.

И смерть моя проста —
Призналась, что ей велено
Стереть меня с холста,
Где розово и зелено.

ТРИПТИХ ОКНА

1

Ну что еще сказать вам на последней
Странице в распоследней из тетрадок?

Скажу, что день стоит на редкость летний,
Скажу, что запах лип на редкость сладок,
Скажу, что луч над Истрой между веток
Особенно пронзителен и ярок.

...Так в детстве оставляла напоследок
Я самое красивое из яблок.

2

Нет, я еще не мертвая,
Еще дышать дано
В трех стенах, а четвертая —
Раскрытое окно.

В моем окне распахнутом
К реке крутой обрыв
Под серебристо-бархатным
Полунаклоном ив.

А дальше — мир порхающий
Небесно-луговой
И церковка с пока еще
Отбитой головой.

И сумерки лиловее,
Чем в клеточку тетрадь,
Где буду в каждом слове я
И жить, и умирать.

Открыта новая тетрадь,
А солнце лета
Умеет кровушку сосать
Из уст поэта.

Так из цветка сосет пчела
Земную сладость,
И я не отвергну чела
Лучам на радость.

Пускай сосут земную соль
Из уст болезных,—
Блаженно я приемлю боль
От пчел небесных.

Избалована бедой,
Счастьем не замечена,
Прохожу я над водой,
А вода расцвечена.

В ней мой город отражен —
Жизнь многоэтажная,
Что ни провод — обнажен,
Что ни тень — протяжная.

Соты желтые окон
Звездами ухожены
И на лики всех икон
Лица перемножены.

Только моего лица
Нет в реке мерцающей,
Потому что я пыльца
Песни отцветающей.

И если даже умру,
Не верь, что я умерла,
Живущая на юру,
Я стану тенью орла.

Двуглавый, он на гербе
И в жизнь и в гибель глядит,
Доверься моей мольбе,
Приди, когда повелит.

Приди и встретишь меня,
Два разных глаза поймешь,
Один — это правда дня,
Другой — это ночи ложь.

Пусть — тень я, но подопру
Надломленные крыла
И если даже умру,
Не думай, что умерла.

Довольно этого, конечно, не в ущерб
И вечной памяти, и совести, и все же
Хочу я выдохнуть у предпасхальных верб:
Как хорошо на свете жить, о Боже!
Довольно этого и в прозе и в стихах,—
Так жизнь текущая безумием чревата,
Что на ее кликушеских устах
И траурница-бабочка распята.

Довольно этого! Пусть лучше я умру,
Чем наше нищенство на строчки разворую,
Мне похмеляться ли на пирровом пиру,
На коем и рыдаю и пирую?
Довольно этого. Хотя бы между строк
Мне б ласточкиных крыльев дуновенье,
Глоточек воздуха и жалости глоток,
В них нет еще взаимоистребления.

ТРИПТИХ ДОРОГИ

1

В которую бессонницу
Твержу одну нелепицу
Про замершую звонницу
И черную бесхлебицу.
А звон еще качается,
Еще пшеница мелется,
И жизнь еще вращается
От месяца до месяца.
А месяц ртутным столбиком
Средь небушка стоит
И с близлежащим облаком
По-русски говорит:
Юродивая досыта
Пусть плачет и про то,
Что дней земных у Господа
Отнюдь не решето.

2

У Бога дней не решето.
Я поздно спохватилась,
В мешок засунула пальто
И в дальний путь пустилась.
В одной руке моей мешок,
В другой — сосновый посох.
В стрекозах истринский лужок,
В лучах росистый воздух,
Холмы в малиновых кустах,
В золотых коронах перца,
И слово на моих устах
От преизбытка сердца.

Дней у Господа не решето,
Но достигну я мест святых,
Где ничто еще не решено
И продолжен библейский стих
Расчудеснейшей из олив,
Что цветет со времен Христа,—
Гефсиманского сада прилив
И мои окропит уста:
Дней у Бога не решето,
Но достаточный есть запас,
Чтобы не предрекал никто,
Что грядущего нет у нас.

По бездорожью вод,
По лезвию ли дуча,
Души вершат исход.
Элла Крылова

Горят кусты
Воздушного цветенья —
Моей сестры
Реальные виденья
С прожилками зари артериальной,
С пунктирами дороги вертикальной.
Куда зовешь,
Соперница-сестрица?
Я не могу, как дождь,
Укорениться
В небесной почве ни на век, ни на день,
Мне только дар посредничества даден
Между земным огнем
И звездным током,
Между твоим зрачком
И вечным оком,—
И ты, Его любимое дитя,
Ступаешь ввысь, блаженно обойдя
Лазурный столб
Девятого пунктира.
Вослед, захлеб
Моя ликует лира:
Будь счастлива, мы обе на земле!

Ах эти кущи, ах эти рощи!
Можно сложнее, надо бы проще

Мир отражать в зеркале глазницы,
Чье опушенье — солнцевы спицы.

Ах эти птицы! Мне не до смеха:
Ухо должно содержать в себе эхо

Птичьих речений, ангельских дудок
И человеческих... мне не до шуток:

Слово есть сгусток зренья и слуха.
Всю свою жизнь я — как повитуха

Подле словесного лона стояла,—
Небо берет от земли начало.

Выкидыш неба стал мне итогом,
Ибо хотела сказать я о многом

Пред человеком, а не пред Богом.

Главное чтоб сияло,
Главное чтобы пело,
А остальное мало
В памяти уцелело.

Солнце еще сияет,
Голубь еще воркует.
Дьявол и тот не знает,
Кто у кого ворует:

Раб ли у государства,
Власть ли у человека,
Время ли у пространства
Или оно у века.

Факт обогнал событие,
Событие ль опередило
И русской музы наитье,
И то, что тетрадь сокрыла:

Идея — окаменелость,
Мысль — звуковая вспышка.
И чтоб светилось и пелось,
Надобна передышка.

АМФОРА И АРФА

Амфора с античной родословной,
Арфа с напряженной струною,—
Эти вещи, знаю безусловно,
В разные эпохи были мною.

Каждая на женщину похожа;
Тот же голос у меня и краски,
Бронзой отливают моя кожа,
И болят голосовые связки.

Та поила кровью виноградной,
Эта стала продолженьем пальцев
Самодержца в мантии нарядной
И убогих уличных скитальцев.

Бронзовая амфора с напитком
Даже в знойный день была прохладна,
Ну а арфа подвергалась пыткам,
Впрочем, это было ей приятно.

В третьей жизни, нынешней весною,
Вижу арфу с амфорой в музее,
Но что их бессмертье было мною,
Никому сказать я не посмею.

В окне меж берез золотые мосты,
Тропа к Иордани полога.
Глядишь в эту роскошь и чувствуешь ты
Почти одиночество Бога.

И так тебе хочется мир воссоздать
По образу и по подобию,
Что ты пред окном раскрываешь тетрадь,
Ладонь прижимая к надлобью.

Меж ребер условное время стучит,
Пространство ложится под пальцы,
Но вдруг обжигает лицо твое стыд,
Который темнее румянца

Авроры, пришедшей и в эту страну,—
И больше ты не одинока,
А ввергнута в смуту, в разбой и войну,
И мысль от бессилья жестока.

Бегу на смерть, как зверь на ловца,
И в этом есть моя хитреца —
Я смерть отвожу от того лица,
    Которое берегу.

Мой бег навстречу смущает смерть,
И смерть в свою попадает сеть,
И, значит, жить мне еще и петь
    На истринском берегу,

Где вязы старые нячат птиц,
Где май выходит из всех границ —
Из всех зарниц, изо всех темниц.
    А я на ловца бегу.

Вгоняют в одурь тихую
Небесные басы,
А на запястье тикают
Тарковского часы.
Хотя и покалеченный
Бесславьем и войной,
Он жил, блаженно меченый
Серебряной струной,—
И ходит век серебряный
По кругу своему,
И с ели равнобедренной
Стекает дождь во тьму,
Во тьму земли, где мается
Обызвествленный сон,—
И в сердце просыпаются
Орфеи всех времен.
Живу во время дикое,
Забывшее азы,
Но вот живу. И тикают
Тарковского часы.

В конце концов все кончится, как в сказке:
Воскреснешь ты и воскресишь меня
И, вечный сон от глаз моих гоня,
Посадишь меня в быстрые салазки.

И мы со смерти скатимся, как с горки,
На блещущую плоскость бытия,
Где в доме — хлеб, а в храме — ектинья,
И в голубях московские задворки.

Смерть стала роскошью.

С. Лившиц

Видно, мой ангел-хранитель — одна из ворон,
Только закаркает — в комнате я запираюсь,
Так бережливо к столу своему прикасаюсь,
Словно согдится и он для моих похорон.
Слишком уж дорого вечный обходится сон.

Вот и боюсь, что родне я в копеечку встану, —
Смерть стала роскошью, вот и себя берегу:
Не выхожу я на улицу в дождь и в пургу,
И с подозрением я отношусь и к туману,
И молоко от простуды пью в день по стакану.

Днем ем овсянку, а к ночи кастрюлю скоблю.
Вряд ли нужна я родне, и тетради, и другу...
Ангел-ворона, прости меня, горе-хитрюгу, —
Нет, не себя, эту нищую жизнь я люблю.

Я дышу горячо и неровно:
Не бывает прошедших времен.
И сегодня в зрачках у Нерона
Догорающий Рим отражен.

Мир стоит на краю Катастрофы,
Облаченный в неоновый свет.
Это значит, что ночи Голгофы
Растянулись на тысячи лет,

Это значит — есть проблеск надежды,
Воскресение — еще впереди,
И дотлеют чумные одежды
На моей воспаленной груди.

сентябрь 1972

Я это все, как в шизоле, проходила,
В зыбучем сне, не склонная ко сну,—
И старость так на детство походила,
Как осень ранняя на позднюю весну.

То ль гроб качался в небе, то ли зыбка...
Добра отведав и откушав зла,
То ль ангела, то ль дьявола улыбка,
Морщинась в озере, по зеркалу плыла.

Но где же ты в текущем дне, в насущном
Хрестоматийном хлебе бытия?
— А я давным-давно живу в грядущем,
Как в римском кодексе забытая статья.

Голову ты положила за други своя,
Жертвенность ты понимала как норму величья,
Как тебя ни отторгали родные края,
Теменем ты ощущала короны наличие.

Не самозванка, а нищенка, тощей казной
С каждой бездомной душою по-царски делилась,
Мужу чужому ты стала хожалкой-женой
Так, словно чудо венчанья на небе свершилось.

Быт завела. Стала челядью верной твоей
Утварь, которую ты величаво лелеешь,—
Чтобы блестела без золота и янтарей,
Чистящих, моющих средств на нее не жалеешь.

Я, твой двойник, по велению Слова царю.
Глупое зеркало этого не замечает:
«Ваше величество!» — зеркалу я говорю,
«Ваше овечество!» — зеркало мне отвечает.

Я одиночествую, и судьбой довольна.
Сверчи, сверчок, и доучи навечно
По отношению к дороге жить продольно,
По отношению к идущим — поперечно.

Сверчи о том еще, что поселился в кухне
И обзавелся домоседливой женою.
Но нет гарантии, что потолок не рухнет,
Как и империя за кухонной стеною.

НА КУХНЕ ВРЕМЕНИ

Лидия Верасовой

1

Жизнь гибкая и свой же локоть
Достала пересохшим ртом
На кухне времени, чья копоть
Неосязаемым винтом
Ввинтилась в мешанину неба
Сейчас похожего на борщ.
Макай в него остаток хлеба
И лба высокого не морщь.

2

Я лучок нарезаю мелко,
Утопает в моркови терка,
А за окнами перестрелка
Или, как говорят, «разборка»,
Чернобурая кошка Микла
На поваренной сжалась книжке,
Будь я проклята! Я привыкла
Огнестрельные видеть вспышки.
Я готовлю рыжий салатик,
Ну а там упадает в зиму
То ль налетчик, то ли солдатик,
То ли просто идущий мимо.
Будь я проклята! В снежной лунке
Чья горячая кровь затверделась?
А что плачу — то дело в луке.
К морю крови жизнь притерпелась.

3

Коли ты оказалась внутри
Стихотворного цикла,
То хвостом мои слезы утри,
Чернобурая Микла.

Чем дожить до подобного дня,
Лучше б гнить мне в могиле.
Почему не убили меня,
Почему не убили?

Ведь была и опала и гон
По всем правилам гона.
Но от свиста укрыл меня звон,
А от пули — икона.

Неужели мой крест меня спас,
Чтоб в преклонные годы
Поняла я, что рабство для нас
Не кровавей свободы.

В несчастных я себя не числю,
Мне по сердцу мое житье
В дремучей пропасти меж мыслью
И воплощением ее.

Не это ль русская повадка —
Себя блаженно истязать,
Смеяться горько, плакать сладко
И на соломинке плясать.

ТРИ КАРТИНЫ

1

Над тюрьмой лунный плач из-под облачных век.
Цвет решетки и черен, и плотен.
Там лицо человека, как тающий снег, —
Человек не свободен.

2

Колокольчики тщатся взлететь из стекла,
Но в стакане мятеж безысходен.
И лиловая кровь посредине стола. —
И цветок не свободен.

3

Ствол смоковницы пуст и просвечен насквозь,
Потому что — бесплоден.
А с креста полуснят побелевший Христос. —
Тот, кто распят, — свободен.

Памяти Константина Батырева

Я не более, чем земля, глупа
И не более, чем небеса, голуба
    При всплеске луны.
Как люльки, я колыхаю гроба,
Усопших нету — это судьба
    Этой страны.

И каждый что-то мне говорит,
И каждый звук, словно кровь, горит,
    И светится лоб.
Хрустальная соль стекает со лба,
А память, как шрам от гвоздя, груба,—
    Никто не усоп.

Даже камень и тот может треснуть
От воды, говорящей темно.
Почему бы тебе не исчезнуть,
Словно детство иль сон — все равно.
Я давно разлучилась с тобою,
Соль твоя иссушила мне рот.
Что лепечешь мне, призрак прибоя
Апшеронских младенческих вод?
Ты о чем мне бормочешь бессвязно,
Бьешь в ребро мое, как в парашют?
Нет ни памяти и ни соблазна,
И ни места рождения нет.

ТРИПТИХ ВИНОГРАДНИКА

1

Все мы гости и похожи
На один сплошной
Виноградник тонкокожий
С косточкой-душой.

Знайте, будущие гости,
Если надо знать,
Что одной и той же грозди
Дважды не сиять.

Пейте солнышко привольно
В забытии хмельном,
Чтоб не чувствовать, как больно
Делаться вином.

Что еще сказать мне за день
До давящей тьмы,
Мне, одной из виноградин,
Выросшей в тени.

2

Я так грядущего боялась,
Что прошлым сделалось оно
И отбродило, отстоялось,
Как в бочке черное вино.

Безбольно давку вспоминаю,
Крутые пятки на груди,
Даст Бог, и завтра не узнаю,
Что это будет впереди.

Я в гости приду виноградною тенью
И зыбью на море, пятном на стекле.
Простите за краткое стихотворенье,
Оно не короче, чем жизнь на земле.

В СТЕПАНАКЕРТЕ

В родном Степанакерте —
По бабушке родном —
Гуляет ветер смерти
И входит в каждый дом.

Да поживиться нечем —
Лишь кости да зола,
Где дом широкоплечий? —
Там бабушка жила.

...На ней сандалии грубы,
Ее забыть нельзя —
Всегда печальны губы
И веселы глаза.

Она куда моложе
Сегодняшней меня,
Мы в сад золотокожий
Идем в начале дня.

Все зрительная память
Хранит полсотни лет,
И абрикосов пламя,
И винограда свет,

На мглистых ветках груши,
Как лампочки, горят, —
А возвращаясь, сушим
На крыше виноград.

Где дом широкоплечий?
Где зелень на столе?
Белеют, словно свечи,
Лишь косточки в золе.

И жажда отомщенья
Когтит мои уста,
Хоть и прошу прощенья
За это у Христа.

А как он был любим —
От гор до парашета, —
Над Каспием седым,
Под синью минарета!

Теперь лишь дальний гром
Напоминает грохот
На берегу, где ртом
Открытым дышит город.

Теперь там — Боже мой! —
Теперь там — Боже правый! —
След нефти за кормой,
А на песке — кровавый.

Теперь там больше нет
Ни родичей, ни крова, —
А только ржавый след
Армянского погрома.

Армянской церкви медь —
Как вырванное небо...
И мне б окаменеть,
Как некогда Ниоба.

ТУРЕЦКАЯ СИРЕНЬ

Надо ль тебе провожать фаэтон
Вдоль побережья,
Надо ли помнить младенческий сон
Там, в зарубежье?

Ну для чего тебе жизнь вспоминать
С дону до дону?
Так все печали возьмутся мелькать
Вслед фаэтону.

Пусть, как тогда, закипает сирень
И под колеса
Древа турецкого круглая тень
Падает косо.

ТРИ СВЕЧКИ

От жгучего укора,
От пламенной вины,
От моего позора
Три свечи зажжены.

И странность вот такая —
Никак их не задуть,
Они горят, не тая,
И может, в этом суть:

Вот так и будет длиться
Дней наших череда —
Мне таять и казниться,
А им гореть всегда.

У тайны нет загадочной повадки,—
Она проста, как мой житейский сон,
Где яблони стоят в своем порядке
И муравьи свой строят Вавилон.

Сокрыт травю телефонный кабель
И муравьиный Вавилон сокрыт...
Еще мне снится, что воскреснет Авель
И Каина ревнивого простит.

У меня соперниц нет,
Потому что ревновать
Я умею только жизнь к смерти,
К савану — верблюжий плед,
К усыпальнице — кровать,
Голос ангела к земной флейте.

Что прошло, того и нет.
Я отпела то, что было,
Стала облаком могила,
Где посеян звездный цвет.

Ну а то, что есть,— то есть
На земле настолько близко,
Что от ангела записка —
Мне остратка, а не весть.

Ну а то, что там, вдали,
Мне и ясно и понятно:
Солью слезной сводит пятна
Матерь Божия с земли.

Это еще не последний путь —
Взять да и помереть.
Это еще подвижная ртуть
И голосящая медь.

Это еще не последний суд
И не последний сад:
Справа ворота в Эдем ведут,
Слева ворота — в ад.

Медь, не звони, не играй, оркестр,
Свечи, не тратьте мед,—
Это еще не последний крест,
Это — исход.

ЭВТЕРПА

Уже стала муза моя совершенно седой,
И полуглухой, и уже никому не угодной,
Кормлю ее хлебом, пою ключевой водой,
А ноженьки мою, конечно же, водопроводной.

Глаза так черны и круглы у крещеной Эвтерпы
И смотрят с веселым испугом на нынешний мир,—
Такие однажды я видела только у нерпы,
Когда я случайно попала на майский Таймыр.

Сегодня пишу по ее полувнятной подсказке,—
Мол, грешник прощает вину, а святой воздает...
Но в двери звонят, и остались стихи без развязки,—
Эвтерпа уходит в себя, словно нерпа под лед.

Я переехала на дачу,
Поближе к истринской воде,
Но плачу. Почему я плачу,
Не плакавшая и в беде?

Два глаза превратились в тучи —
И льется дождь, и нет нужды
В словах, что жить в беде мне лучше,
Чем в ожидании беды.

Зеленый май так беспорочен,
Лишь в дикой яблоньке одной
Кровавый цвет сосредоточен,
Как некий знак перед войной.

Экономно свечи мы задуем,
Хоть и темен этот крестный путь.
Как-нибудь, но мы перезимуем,
Переголодуем как-нибудь.
Вижу я: во тьме венец терновый
Высветлил последнюю из вех.
Мы готовы, искупить готовы
Русский грех, ордынско-русский грех.

Опасную переживаем зиму,
Но я своих пророчеств не верну:
Поддастся поле хлебному режиму,
Поддастся воля Божьему зерну.
Ну что же голи выклянчить у голи?
Гори, гори, небесная игла!
Ты знаешь, что и волю я, и поле
Удобрив б собой, когда б могла.

Я вас любила и люблю.
Но в дальней дали
Я с вами больше не делю
Свои печали.
На вас гляжу не из нуля,
Не сквозь ресницы:
Под вами кружится земля,
Над вами — птицы,
Над птицами душа парит —
Ни крыл, ни взмаха,—
Душа из неба состоит,
Земля — из праха.
Коль без души не может персть,
Душа — без персти,
Так значит, были мы и есть,
И будем вместе.
Конец печалющим словам,
А что до смерти,—
Поделена я пополам
На обе тверди.

ТРИПТИХ ЗИМЫ

1

В юдоли зимней не возьму я в толк,
Как долг мой и как велик мой долг
Перед судьбой, перед людской бедой,
Перед живой водой и пред звездой,
Поросшей пеплом пришлого огня
С земли моей, где больше нет меня.

2

Под пень поминальное
Февральским льдом дыша,
Ледащая, хрустальная,
Легит твоя душа,
И ангелово платье
Желает обрести,
И к легким крыльям ластится
На облачном пути,
Чтоб для людского опыта
Не преломлять лучей,
А быть должницей Господа
И более ничьей,
И в облаченье ангела
Жить с пламенем в ладу,
И толковать Евангелье
И дьяволу в аду.

3

Но в конце заоблачного тракта
Не подбить спасительный итог:
Человек владеет правдой факта,
Ну а всею правдой — только Бог.

А иначе яблоко раздора
Не дрожало б в узенькой руке
И Христос бы не сходил с Фавора
В невесомом солнечном венке.

Не было б потопа и распятия
И Иудиного барыша.
И напрасно ангелова платья
Алчет оголенная душа.

— Нам бы хлеба и требухи!
— Нам бы угля и табака!
Я похожа, крича стихи,
На безумного седока.

Как мечтательна наша Русь:
Ищет путь там, где нет пути.
Так что видите, как веселюсь.
Господи, охлади!

3

Кто это бьется о жизни днище?
Слабый умом или духом нищий,
Лист ли рябиновый или писчий —
Я не скажу, как сказать не могу,
Ласточка ль плачет иль ворон рыщет,
Море в огне горит иль огнище
На торфяном приболотном лугу.
То ли об явное лбом горячим
Бьется мой сон, пылает и плачет,
Может быть, сон есть душа, и, значит,
Не пожелаю его и врагу.
Больше я спать не лягу, иначе
Станет душа, как огонь, незрячей,
Чей поводырь — сатана бродячий,
Лучше бессонницу перемогу.

Я не так беззащитна
В своей беззащитности,
Чтобы милость постыдно
Вырывать у безбытности,
И не так безоглядна
В своей безоглядности,
Чтоб не ждать беспощадной
Людской благодарности.

Но я так сиротлива
В своей сиротливости,
Как случайная ива
В пустынной тоскливости,
И я так одинока
В своем одиночестве,
Как прозренья пророка
В его же пророчестве.

С Божьего ли попуценья
Песни я пою
Или это мне отмщенье
За любовь мою
Не к Нему, а к страсти певчей,
Чей бесстрашен стыд,
Коль о боли человеческой
Счастливо вестит.
Нет, ничем такого счастья
Я не искуплю,
Но его и Высшей власти
Я не уступлю.

ЭНЕРГИЯ СЛОВА

И крона поет возле самого крова,
И птица — как будто бы навеселе.
Но будит меня лишь энергия слова
И жить оставляет на этой земле.

Спасибо, словесные русские гнезда,
Вас ласточки лепят, как люди жилье.
Еще мне не поздно, еще мне не поздно
Молиться и плакать во имя твое,

Когда на душе у тебя беспокойно,
Когда в тебе рыцарство перевелось,
Проклятая жизнь, — все равно ты достойна
Молитвы во благо и благостных слез.

Разбудят слова, — и на звонкое небо
С какой-то хрустальной надеждой гляжу,
Там ангелами совершается треба,
И кажется мне, что я тоже служу.

Но нет, я не там! На земле бестолково,
Нелепо живу, в голове без царя,
И если живу, — лишь энергии слова,
Энергии слова благодаря.

Бабочка приколота к вечности иглой,
Ну а я пером приколота к бумаге,—
Все могло бы стать словесною игрой,
Если на игру хватило бы отваги.

Но еще умею посмеяться над собой,
Потому что жизнь над смертью посмеялась,—
Бабочка осталась желто-голубой,
Ну а я тоской зеленою осталась.

Все связано,
И потому на всех лежит одна вина.
Все названо,
И потому не называю имена.
Все сказано,
И потому молчу в такие времена.

К чему бы чистотел, мне и сурьма,
Пусть самый неказистый я поэт,
Но я есть свет перед тобою, Тьма!
Но я есть тьма перед тобою, Свет!

Мне ни к чему сурьма и чистотел,
Всему и всем живу я поперек, —
Так ангел меня в белое одел.
Так дьявол меня в черное облек.

Уже не надо знать, где ты живешь,
Не надо знать, кто ты такая,
Какие песни ты слагаешь,
Какую ношу на плечи берешь,
Что за обязанность с себя слагаешь,
Куда идешь, колясочку толкая,
С картофелем и пачкой молока,
Влюбленно вглядываясь в разные эпохи
Мерцающих, как циферблаты, лиц,
Не зная, коротка иль далека
Твоя дорога, хороши иль плохи
Твои дела, не ведая границ
Земного и небесного владенья
Твоей любви, поскольку ты забыть
Смогла себя, но помнишь всех прохожих,
Светящихся сильнее дней погожих...
Я умерла? Нет, начинаю жить,—
Жизнь начинается с самозабвенья.

Земля дымится, небо тлеет,
Пылают волны и руда...
Не верьте мне! — все уцелеет:
Земля, и небо, и вода.

Но человек, но зверь, но птица
Уже как уголья в золе...
Не верьте мне! — все сохранится
На окровавленной земле.

Где мудрецы? где серафимы?
Стеною кровь идет на кровь...
Не верьте мне! — неистребимы
Надежда, вера и любовь.

Содержание

«К чему внимание заострять...»	7
Ночь под рождество	8
Триптих розы	9
«Чертики в глазах куда страшней чертей...»	11
«Спи, мой ангел, спи, мой Авель...»	12
«С годами любовь становится жалостью...»	13
«Сетчатка глазная...»	14
Триптих двоих	15
«Так хорошо с прохожим покофейничать...»	17
Серафим	18
«Солнце нежней мимозы...»	19
Саломия	20
На водохранилище	21
Похороны Мандельштама	22
«Руки, как реки, текущие вверх...»	23
Триптих вины	24
«Погибель крадется, как хитрая воровка...»	26
«Что за время удалое...»	27
«Платье из репсу...»	28
«Пойму не сразу и не вдруг...»	29
Триптих загорода	30
«По соломенному лучу...»	32
Огонь	33
«Одна рука на другой покоится...»	35
Осенние озера	36
«Ничто не кажется мне чужим...»	37
Ответ юному поэту	38
На панихиде	40
Триптих дождя	41
Триптих заката	43
«Не грозит мне Лета...»	45
Май	46
«Ну как не потерять тут головы...»	47
«На территории игольчатой и лиственной...»	48
«Молись, золотое сердце...»	49
«Листья летят, а я-то думаю: птицы...»	50
«Мне не было б цены, когда б, когда б...»	51
Кресло, свеча и я	52

«Лазурно-изумрудное сиянье...»	53
«Как в хризантемовом саду...»	54
Лещина	55
«Какая глушь, и тишь, и сушь...»	56
«Декабрь девяностого года...»	57
«Каким еще предаться негам...»	58
Триптих донника	59
«Клен кадит и ключьями червонными...»	61
Июльский холст	62
Триптих окна	63
«Избалована бедой...»	65
«И если даже умру...»	66
«Довольно этого, конечно, не в ущерб...»	67
Триптих дороги	68
«Горят костры...»	70
«Ах эти кущи, ах эти рощи...»	71
«Главное чтоб сияло...»	72
Амфора и арфа	73
«В окне меж берез золотые мосты...»	74
«Бегу на смерть, как зверь на ловца...»	75
«Вгоняют в одурь тихую...»	76
«В конце концов все кончится, как в сказке...»	77
«Видно, мой ангел-хранитель — одна из ворон...»	78
«Я дышу горячо и нервно...»	79
«Я это все, как в школе, проходила...»	80
«Голову ты положила за други своя...»	81
«Я одиночествую и судьбой довольна...»	82
На кухне времени	83
«В несчастных я себя не числю...»	85
Три картины	86
«Я не более, чем земля, глупа...»	87
«Даже камень и тот может треснуть...»	88
Триптих виноградника	89
В Степанакерте	91
«А как он был любим...»	93
Турецкая сирень	94
Три свечки	95
«У тайны нет загадочной повадки...»	96
«У меня соперниц нет...»	97
«Что прошло, того и нет...»	98
«Это еще не последний путь...»	99
Эвтерпа	100
«Я переехала на дачу...»	101

«Экономно свечи мы задуем...»	102
«Опасную переживаем зиму...»	103
«Я вас любила и люблю...»	104
Триптих зимы	105
Триптих бессонницы	107
«Я не так беззащитна...»	109
«С Божьего ли пощенья...»	110
Энергия слова	111
«Бабочка приколоты к вечности иглой...»	112
«Все связано...»	113
«К чему бы чистотел мне и сурьма...»	114
«Уже не надо знать, где ты живешь...»	115
«Земля дымится, небо тлеет...»	116

**Отпечатано при содействии
Просветительско-издательского центра
ДЕ – АД
(С.-Пб., ул. Пушкинская, 10)**

**Лиснянская Инна Львовна
ПОСЛЕ ВСЕГО
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1994**

**Редактор Г. Ф. Комаров
Корректор В. Г. Комарова**

**Отпечатано в типографии ППП 1-7,
Павловск, Марата, 12.
Зак. 1224. Тир. 3000.**

